

ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ КОММУНИКАЦИИ В НОРВЕЖСКОМ ЯЗЫКЕ (НА ПРИМЕРЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБЩЕНИЯ НОРВЕЖСКИХ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ-ЖЕНЩИН)

Котова Анна Александровна

Военный университет имени князя Александра Невского
Министерства обороны Российской Федерации
г. Москва
annakotova1112@mail.ru

GENDER ASPECT OF COMMUNICATION IN THE NORWEGIAN LANGUAGE (ON THE EXAMPLE OF PROFESSIONAL COMMUNICATION OF NORWEGIAN FEMALE SERVICEMEN)

A. Kotova

Summary: This article summarizes the main theoretical positions of representatives of Nordic gender linguistics on the influence of gender identity on communication. The practical part of the research examines the professional communication of Norwegian military personnel, assesses the relevance of gender factor, reveals the features characteristic of the communicative behavior of Norwegian female service members.

Keywords: language personality, gender socialization, professional socialization, professional communication, Norwegian language.

Аннотация: В данной статье обобщаются основные теоретические положения представителей скандинавской гендерной лингвистики по вопросу влияния гендерной принадлежности на коммуникацию. В практической части исследования рассматривается профессиональная коммуникация норвежских военнослужащих, оценивается релевантность гендерного фактора, выявляются черты, характерные для коммуникативного поведения норвежских военнослужащих-женщин.

Ключевые слова: языковая личность, гендерная социализация, профессиональная социализация, профессиональное общение, норвежский язык.

Введение

Объект настоящего исследования – коммуникативное поведение норвежских военнослужащих, **предмет** – гендерно-мотивированные черты, проявляющиеся в процессе их общения.

Цель исследования – определить степень влияния гендера на выбор речевых средств в профессиональной коммуникации военнослужащих вооруженных сил Норвегии.

Задачи исследования

1. дать характеристику факторам, влияющим на речевое поведение норвежских военнослужащих;
2. определить степень релевантности гендерного фактора для профессиональной коммуникации в норвежском военном сообществе;
3. сформулировать основные отличительные черты языковых личностей норвежских военнослужащих-женщин в профессиональном общении.

Новизна исследования состоит в использовании языкового материала, который еще не был подвергнут анализу в русскоязычных научных публикациях. **Актуальность** обусловлена необходимостью понимания механизмов межгендерной коммуникации военнослужащих в связи с тенденцией к феминизации армий боль-

шинства европейских государств.

Теоретическую основу исследования составляют главным образом работы скандинавских лингвистов разных эпох, от О. Есперсена и С. Колсруда до Х. Ури и Р.В. Фьельд, посвященные гендерной проблематике. **Практическая часть** исследования проводилась на языковом материале отчетов исследователей, изучавших интеграцию женщин в норвежских воинских коллективах: У.-Б. Лиллеос, Д. Эллингсен и коллектив Исследовательского института ВС Норвегии под руководством С. Квалвика.

При проведении исследования применялись следующие **методы**:

1. целевая выборка – для отбора языкового материала, относящегося к профессиональной коммуникации, но при этом включающего гендерно-мотивированные особенности речи;
2. стилистический анализ – для изучения процесса профессиональной социализации военнослужащих-женщин путем усвоения стиля речи, типичного для норвежских военнослужащих;
3. контент-анализ – для выявления в речи норвежских военнослужащих-женщин влияния гендерного аспекта и сопоставления их выбора языковых средств с типичными особенностями женской норвежской речи, сформированными скандинавскими лингвистами.

Теоретическая значимость исследования заключается в изучении гендерно-мотивированных особенностей коммуникации военнослужащих в уникальных условиях одной из передовых армий мира с точки зрения гендерного равноправия, что позволяет делать выводы о перспективах и возможных тенденциях развития языковой ситуации в вооруженных силах других государств.

Практическая значимость исследования обусловлена тем, что его результаты могут использоваться в преподавании дисциплин «Практический курс военного перевода», «Основы теории первого (второго) иностранного языка», «Теория межкультурной коммуникации».

Результат исследования – выявление особенностей коммуникативного поведения, встречающихся в речи норвежских военнослужащих-женщин, и определение факторов, влияющих на формирование их языковых личностей в ходе профессиональной социализации.

Гендерные исследования в скандинавской лингвистике

Под влиянием исторического, экономического и не в последнюю очередь культурного фактора в Норвегии сложилась уникальная социальная ситуация, которая в свою очередь влияет на языковую ситуацию и языковую политику страны. Норвежская исследовательница Хелене Ури приводит данные о том, что в 2017 г. по оценке Всемирного экономического форума Норвегия находилась на 2 месте в мире после Исландии по гендерному равноправию (Uri 2018: 10). Принимая во внимание своеобразие норвежской культуры и менталитета, в данном исследовании мы в основном опираемся на труды представителей скандинавской лингвистики.

В скандинавских странах существует собственная традиция гендерных исследований. Ее основы были заложены еще в начале XX в. Сто лет назад О. Есперсен посвятил женщинам одну из глав своей книги «Язык» (Jespersen 1922). Несмотря на то, что впоследствии многие из положений этой книги неоднократно подвергались критике, эта работа имела большое значение для возникновения гендерной лингвистики, поскольку привлекла внимание ученых к вопросу о связи пола и речи. Есперсен подчеркивал, что между мужской и женской речью существуют значительные различия, объясняя их разным социальным положением и образом жизни. В то же время он не признавал существования явления, которое сегодня называют гендерлектом – отдельных «мужского» и «женского» языков, по крайней мере в европейских странах. По мнению Есперсена, мужчины и женщины разговаривают на одном и том же языке, но пользуются им по-разному (Jespersen 1922: 245).

Норвежский лингвист С. Колсруд в книге „*Maal og*

Maalgransking“ («Язык и исследование языка»), опубликованной в том же году, что и труд Есперсена, зашел в своих предположениях дальше. Он утверждал, что различия в применении языковых средств обусловлены природными данными, и считал, что в речи женщин «больше рефлексов, но меньше рефлексии» (Kolsrud 1922: 20). Тем самым он поддерживал гипотезу «дефицитности» женской речи, которая на сегодняшний день опровергнута (Bull 2021).

В конце XX в. интерес скандинавских ученых к гендерному вопросу после долгого перерыва снова возрос. С одной стороны, это произошло под влиянием многочисленных гендерных исследований, проведенных американскими учеными в 60-х-90-х гг. XX в. (Р. Лакофф, Д. Таннен, Д. Коутс, Д. Кэмерон и др.). С другой стороны, в скандинавской науке того периода в целом стало уделяться больше внимания связи языка и социального положения человека: например, известный норвежский психолог Р. М. Блакар в своей книге „*Språk er makt*“ («Язык – это власть»), впервые изданной в 1972 г., раскрыл механизмы, посредством которых в норвежском языке дискриминируются определенные группы населения, в частности, женщины (Blakar 2006). Датский лингвист О. Тогебу в 1985 г. опубликовал исследование, в котором подробно рассмотрел проявление различных особенностей мужской и женской речи (Togeby 1985).

Внутренняя политика Норвегии в конце XX-го века была ориентирована на достижение равноправия, что повлекло за собой необходимость формирования гендерно-нейтрального языка (Swan 1997). Этому способствовал Закон о равноправии, принятый в 1978 г. Тем не менее, хотя в области наименования профессий и должностей норвежцы достигли практически полного равенства, коммуникативные стратегии и языковые средства, выбираемые женщинами, все еще нередко воспринимались как свидетельства слабости их позиции в обществе (Fjeld 1998).

На современном этапе интерес скандинавских исследователей к гендерной проблематике не угасает. Связь языка и пола говорящего рассматривается с новой точки зрения, с позиции постмодернизма: Т. Булль высказывает предположение, что язык не обусловлен гендерной принадлежностью говорящего, а, напротив, служит для ее конструирования (Bull 2021). Х. Ури задается вопросом, какие различия существуют в норвежской мужской и женской речи на сегодняшний день и в чем их причины (Uri 2018).

Вышеназванные работы содержат большое количество наблюдений за речевыми проявлениями гендерной принадлежности скандинавских женщин. В практической части исследования мы сопоставляем высказывания женщин, проходящих службу в ВС Норвегии,

с обобщенным перечнем гендерно-маркированных особенностей, выявленных учеными, с целью установить, какую роль играет гендерный фактор в военно-профессиональной коммуникации.

Особенности коммуникативного поведения норвежских военнослужащих-женщин

В то время как армии большинства других западных стран комплектуются на контрактной основе, в норвежских ВС сохраняется призыв, причем с 2014 г. в них проходят службу не только юноши, но и девушки. Процесс включения женщин в военную службу идет постепенно: по состоянию на 2017 г. женщины составляли немногим более 25% военнослужащих, одновременно сохранялась устойчивая тенденция к росту их числа (Aarønaes, Kvalvik 2017: 6-8). Призывники в Норвегии, независимо от половой принадлежности, живут в общих помещениях и совместно участвуют во всех видах повседневной деятельности, и эта мера была признана успешной, поскольку позволила избежать деления коллектива по гендерному признаку, что повышает сплоченность подразделения (Aarønaes, Kvalvik 2017: 27).

Такие условия благоприятны для профессиональной социализации, однако вопрос о том, каким образом она сочетается с гендерной социализацией, остается открытым. Чтобы выяснить степень релевантности и особенности проявления гендерного фактора в профессиональной коммуникации, необходимо проанализировать имеющийся языковой материал на предмет соответствия речевого поведения норвежских военнослужащих-женщин существующим представлениям ученых об особенностях женской коммуникации на норвежском языке в целом.

Одна из важнейших особенностей, которую следует рассмотреть, состоит в употреблении нецензурных выражений или лексики со сниженной стилистической окраской. Скандинавские лингвисты от О. Есперсена (Jespersen 1922: 246) до Х. Ури (Uri 2018: 36-37) пишут, что мужчины чаще используют в речи ругательства, причем выбирают для выражения эмоций более табуированную лексику, чем женщины.

В вооруженных силах, которые долгое время были одним из самых андроцентричных институтов общества, это утверждение до сих пор актуально, к тому же именно в среде норвежских военнослужащих сложилась довольно необычная ситуация: асимметрия стилей общения в зависимости от гендерной принадлежности. В отличие от армий США и ФРГ, в армии Норвегии женщины не перенимают сниженный стиль общения и ненормативную лексику, а относятся к этому явлению резко негативно. Возможно, это связано с тем, что в норвежских вооруженных силах нецензурный и сексистский юмор ранее получил более широкое распространение

и считается до такой степени приемлемым, что присутствует в *huskeregler* – коротких рифмованных фразах, которые призывники заучивают для запоминания правил обращения с оружием, ориентирования на местности и другой информации. (Lilleaas, Ellingsen 2014: 58-59). Женщины, в силу гендерной социализации или личных качеств менее склонные к агрессивному вербальному поведению, оказываются маргинализированными элементами военного сообщества. Им сложно наладить близкие неформальные отношения с товарищами, а иногда у них возникают и проблемы с начальством.

Чтобы избежать конфликтов, некоторые женщины решают не высказывать недовольство. Одна из опрошенных не осмелилась протестовать, когда командир неприлично пошутил в ее адрес: «*Ja, han er helt syk på det derre der. Og han er verst av alle da. Men jeg er sånn okey, jeg kan bare le av det, for hvis jeg ikke ler så blir det bare kleint ikke sant*» («Да, он поступил совсем ненормально. И с ним сложнее всего. Но я подумала: ладно, я могу только посмеяться над этим, ведь если я не посмеюсь, то атмосфера накалится, разве не так?») (Aarønaes, Kvalvik 2017: 23). Другие, напротив, предпочитают выразить несогласие: «*Man skal si ifra tror jeg. ... det er jo ikke forventet at en gutt som kommer rett fra videregående, skal vite alt om hva som er greit, og hva som ikke er greit. Vi må forvente, ikke nødvendigvis som du sier at vi på en måte bare godtar det*» («Я думаю, мы должны высказывать свое мнение... Никто ведь не ждет, что мальчик, недавно выпустившийся из средней школы, будет все знать о приемлемом и неприемлемом поведении. Но и от нас не нужно ждать, что мы будем просто терпеть это») (Lilleaas, Ellingsen 2014: 37).

Еще одна гендерно окрашенная особенность речи – гиперкоррекция. Явление гиперкоррекции в целом характерно для скандинавских женщин – они стремятся «украсить» речь, сделать ее как можно правильнее, причем с течением времени это не меняется (Jespersen 1922: 243), (Uri 2018: 54). Среди военнослужащих-женщин это явление в отдельных случаях проявлялось в склонности к употреблению канцелярских оборотов: «*Gutter som går inn på rommet ti jentene da... I beruset tilstand*» («Юноши, которые приходили в комнаты девушек... в состоянии алкогольного опьянения») (Lilleaas, Ellingsen 2014: 61).

Другой признак предположительно женской речи – использование выражений, позволяющих смягчить высказывание, выразить действительную или притворную неуверенность (Uri 2018: 62-65). Часто для этого служат так называемые *tag questions* (разделительные вопросы). О. Тогебу пишет, что в датском языке эту функцию выполняет *påhaengs-ikke* – завершающее «не», а в норвежском, по словам Х. Ури, часто используется эквивалент *ikke sant* – «не так ли?». Необходимо подчеркнуть, что в своих исследованиях оба лингвиста пришли к выводу, что использование *tag questions* не является исключительно

женской особенностью, но цели включения их в высказывание различаются (Togeby 1985: 81), (Uri 2018: 67).

Обороты речи, используемые для смягчения высказываний, иногда встречаются в речи норвежских военнослужащих-женщин: «*Når det var flere jenter sammen, og kanskje litt sterkere jenter – så så jeg det. At de kunne liksom "bonde" litt sånn alternativt*» («Когда вместе собирались много девушек, и, возможно, это были немного более сильные девушки – тогда я видела, что они могли «объединяться» немного по-другому») (Lilleaas, Ellingsen 2014: 108).

Нередко встречается выражение «*ikke sant*» («не так ли?»): «*Altså det fysiske er en slags sånn måte å tåle dette å utsette sine egne behov, tåle smerte, ikke sant*» («В общем, физическая подготовка – это такой способ научиться заглядывать на второй план свои потребности, терпеть боль, не так ли?») (Lilleaas, Ellingsen 2014: 93).

Еще одна черта, появляющаяся в результате гендерной социализации, – отсутствие у женщин привычки к лидерству и доминированию, в том числе и в общении (Togeby 1985: 52), (Uri 2018: 73-80). Если предыдущие особенности можно назвать лишь косвенно влияющими на успех профессиональной коммуникации, то эта, если ее не скорректировать, значительно снижает шансы женщины на успешную военную карьеру.

Несмотря на то, что норвежская армия – одна из передовых в мире в плане равноправия, гендерная социализация не позволяет женщинам проявлять заинтересованность в командирских функциях, если рядом есть мужчины, предположительно более компетентные. Военнослужащая медико-санитарного батальона рассказывает: «*Men jeg merket at når vi var med gutta, så fikk på en måte de plassen. Og det irriterte meg litt. Bare fordi de er gutter, liksom! Jeg kunne merke på jentene at 'ja, men de er fallskjermjegere, og vi er bare ...', også lot de gutta ta styringa*» («Но я заметила, что, когда мы были с парнями, то они как бы оказывались в центре внимания. И это меня немного раздражало. Только потому, что они парни! Я замечала, что девочки говорили «но они же десантники, а мы всего лишь...» и позволяли парням брать управление на себя») (Aarønaes, Kvalvik 2017: 21). Немалую роль в этом играют и негативные установки, транслируемые некоторыми сослуживцами: «*Vi fikk høre mange stygge kommentarer om at gutter er bedre ledere enn jenter. Å få sånne hele tiden gjorde at vi følte oss som en byrde for laget etter hvert*» («Мы слышали много неприятных комментариев о том, что у парней больше лидерских качеств, чем у девушек. Это постоянно повторялось, и через какое-то время мы начали чувствовать себя обузой для взвода») (Aarønaes, Kvalvik 2017: 21).

В целом мотивационная сфера языковых личностей норвежских военнослужащих-женщин характеризуется

желанием принадлежать к коллективу. Одна из военнослужащих ВВС рассказывает: «*Jeg er veldig glad for at det er mye jenter her. Fordi vi får et mye bedre samhold*» («Я очень рада, что здесь много девушек. Потому что мы становимся много сплоченней») (Aarønaes, Kvalvik 2017: 18). Если бы количество женщин в подразделении было незначительным, ей пришлось бы сильно изменить свое коммуникативное поведение: «*Men da måtte jeg liksom ha vært ... da måtte jeg ha vært en av gutta, liksom. Men nå kan jeg være en av jentene i stedet for*» («Тогда мне пришлось бы... пришлось бы стать одной из юношей. А сейчас я могу быть одной из девушек») (Aarønaes, Kvalvik 2017: 18).

Если в армиях США и ФРГ основная мотивация военнослужащих-женщин – это успешная карьера, поскольку они служат по контракту, то в Норвегии лишь небольшая часть призывников решает стать профессиональными военными после окончания срочной службы. Здесь военнослужащие-женщины стремятся приобрести опыт, полезный для дальнейшей жизни: «*Jeg har lært meg disiplin, jeg har lært meg mye om meg selv. Og bare generelt sett at jeg lærer veldig mye av å være her da. Og møter nye utfordringer og har mestringsfølelse. Så jeg syns Forsvaret er noe som er bra å ha med seg videre*» («Я научилась дисциплине, я узнала многое о себе и в целом многому научилась, находясь здесь. Противостою новым вызовам и чувствую прогресс. Так что, мне кажется, военная служба – хороший опыт, который пригодится мне в будущем») (Lilleaas, Ellingsen 2014: 68). Не все одинаково мотивированы на достижение этой цели: «*Vi var grunnleggende forskjellige – noen speiderjenter som var interessert i å gjøre det beste ut av tjenesten, og noen superblonde som brukte en halv time foran speilet*» («Мы были совсем разными – несколько боевых девушек, которые были заинтересованы в том, чтобы извлечь максимум пользы из службы, и несколько типичных «блондинок», которые по полчаса проводили перед зеркалом») (Lilleaas, Ellingsen 2014: 64).

Несмотря на то, что многие из типичных гендерно маркированных особенностей коммуникативного поведения прослеживаются в общении военнослужащих, во многом профессиональная социализация стирает различия между мужской и женской речью. Например, что касается словарного запаса и выбора лексики, ученые приводят примеры различий в наборе слов, обычно используемых представителями разных полов (Uri 2018: 47-53). В основном это объясняется тем, что мужчины и женщины употребляют слова из разных тематических областей, соответствующих их интересам. В военно-профессиональной коммуникации этого не было замечено, поскольку военнослужащие в своем общении ограничены соответствующей тематикой.

Заключение

В результате проведенного исследования можно

сделать вывод, что гендерный фактор, безусловно, влияет на общение военнослужащих. Были выявлены такие специфические женские особенности речи, как нетерпимость к ругательствам, гиперкоррекция, употребление смягчающих оборотов речи, отказ от доминирующей позиции в коммуникативном акте.

Фактор условий службы оказывает сильное влияние на профессиональную социализацию женщин в армии Норвегии и как следствие – на их языковые личности. С одной стороны, отсутствие изоляции женщин, их полноценное участие в жизни воинских коллективов помогает им усвоить коммуникативные компетенции,

необходимые для профессиональной деятельности. Несмотря на то, что этот процесс нередко сопровождается трудностями, его можно считать достаточно успешным. С другой стороны, поскольку норвежские женщины-военнослужащие, в отличие от коллег из других западных стран, служат в основном по призыву, то воспринимают службу не как восхождение по карьерной лестнице, полностью меняющее их индивидуальность, а как важный, но ограниченный по времени этап становления личности. Это позволяет им сохранять свой уникальный коммуникативный стиль и бороться против некорректного поведения товарищей и командования, совершенствуя культуру военно-профессионального общения в целом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Blakar, R.M. Språk er makt. - Pax Forlag, 2006. – 296 p.
2. Bull T. Kjønn, språk og språkbruk før og no // UiT Norges arktiske universitet. № 12 (2021). S. 1-24.
3. Fjeld R. V. Språk, kjønn og likestilling Språknytt, 3 (1998) [Электронный ресурс]. URL: https://www.sprakradet.no/Vi-og-vart/Publikasjoner/Spraaknytt/Arkivet/Spraaknytt_1998/Spraaknytt_1998_3/Spraak_og_kjoenn/ (дата обращения: 6.10.2022).
4. Jespersen O. Language: Its Nature, Development and Origin. - George Allen & Unwin, London, 1922. – 456 p.
5. Kolsrud S. Maal og maalgransking. – Oslo 1922. – 196 s.
6. Lilleaas U. B., Ellingsen D. Likestilling i Forsvaret. Cappelen Damm, 2014. – 204 s.
7. Sandøy H. Talemål. – Novus Forlag. Oslo 1996. – 253 p.
8. Slik får Forsvaret flere kvinner / redaktør Lars Aarønaes, forskningsleder Sverre Kvalvik. Forsvarets forskningsinstitutt, 2017. – 31 s.
9. Swan T. Kjønn, språk og ideologi // Språknytt, 4 (1997) [Электронный ресурс]. URL: https://www.sprakradet.no/Vi-og-vart/Publikasjoner/Spraaknytt/Arkivet/Spraaknytt_1997/Spraaknytt_1997_4/kjonn-sprak-og-ideologi (дата обращения: 7.10.2022).
10. Togeby O. Kvinder siger selvfølge mest – sagte manden. - Copenhagen, 1985. – 166 s.
11. Uri H. Hvem sa hva? –Trondheim: Gyldendal, 2018. – 229 s.

© Котова Анна Александровна (annakotova1112@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»